

Ричезия была родом из сиротского приюта. Брошенная в младенчестве, она прожила там большую часть своей жизни. Однако на пятнадцатый день рождения её жизнь перевернулась с ног на голову, когда пробудились дремлющие силы феи. Прежде, чем Ричезия смогла приспособиться к внезапным переменам, она была вынуждена бежать, поскольку на след магии вышли охотники.

Отныне для неё, сбежавшей из приюта без гроша в кармане, единственной целью стало — выживание. И для этого она сделала всё, что только могла.

Ричезия искусно обманывала своих противников и сокрушала их силой. Борясь за столь жалкое существование, она всё думала: «Почему я должна так страдать?» — ей только хотелось узнать, почему её жизнь сложилась именно так.

В поисках правды Ричезия узнала, что её мама — фея, которая умерла от безумия. Поскольку в ней текла такая кровь, она родилась со способностями, отличными от способностей обычных подобных ей существ. Из-за аномальности своего происхождения, мир фей отрёкся от неё, пока охотники за рабами продолжали жадно преследовать.

Ричезия решила найти того, кто разрушил её жизнь. После долгих скитаний она нашла ключ к разгадке. До неё дошли слухи, что одна из трёх великих знатных семей Великой Империи Паллен проводила жестокие эксперименты над феями.

А дальше поиски привели к тупику. Какой бы хитроумной и беспощадной ни была Ричезия, просто так войти в одну из самых могущественных знатных семей в империи не получится даже у неё. В этой тупиковой ситуации она искала способы, которые могли бы помочь сдвинуться с мёртвой точки.

— Тайное опекунство?

— Да, госпожа! Я уверен, граф Василиан ищет ребёнка для опекунства! — от нетерпения Хата сжал ладони в кулаки, его фиалковые глаза, всегда с виду погружённые в угрюмое состояние, засверкали, а голос наполнился волнением. — Он скрывает свою личность и обходит приюты один за другим, но это секретная информация, которую знает только Хата.

Графская семья Василиан была самой скрытной из всех трёх великих дворянских родов в Великой Империи. Они редко выезжали за пределы страны, поэтому о них мало что известно. Кроме того, именно эту семью Ричезия подозревала больше всего.

«У графа уже есть три сына, и он вдруг ищет ребёнка для опекунства? И не благородного

происхождения, а сироту из приюта», — ситуация для чародейки была крайне подозрительной.

— Думаю, было бы неплохо притвориться главой приюта и обратиться к графу.

— Нет, такого временного подхода недостаточно.

— А, может тогда так? — Ричезия ухмыльнулась, глядя на взволнованного паренька. Хата беспокойно уставился на её расцветшую улыбку. — Я превращусь в младенца, чтобы меня удочерил сам граф.

— А-а-а! — в отчаянии воскликнул Хата, сжав руками щёки. — Это опасно, очень-очень опасно!

— Ну, не то, чтобы я вытворяла подобное в первый раз.

Ричезии только и нужно было получить информацию, о которой не могли знать посторонние. В частности, слуги графа Василиана славились непоколебимой преданностью и скрытностью.

«Я не смогла их подкупить, поэтому не было хорошей возможности оказаться внутри замка», — теперь же перед ней нарисовалась отличная возможность заглянуть в самое сердце таинственной графской семьи.

— Что с тобой?

Ричезия в ответ шаловливо подмигнула Хате, от чего его лицо стало ярко-красным, несмотря на подступившие слёзы. Поколебавшись, он, наконец, вздохнул.

— Я приготовлю зелье, которое обратит тебя в ребёнка...

Таким образом, Ричезия превратилась в младенца, которому от силы два года. Она стала самым милым и очаровательным ребёнком, которого только можно себе представить, с короткими, вьющимися светлыми волосами и ярко-розовыми глазами вместо кроваво-алых. Глядя на неё, никто бы и подумать не мог, что это нынешний облик скандально известной феи.

С помощью Хаты Ричезия попала в приют под вымышленным именем Чеша. В детском доме был полный бардак.

«Отборное дерьмо».

Тощие дети каждый день дрались из-за гнилой еды, тряпичной одежды и рваных одеял. Директор же думал только о том, как бы побольше вытряхнуть денег со спонсоров. Он не собирался улучшать условия содержания детей. Директор считал, что чем более жалко

выглядят дети, тем больше будет пожертвований.

Ричезия... Не так. Чеша, как её теперь зовут, провела месяц в захудалом детском доме. Благодаря своей нарочитой хитрости она смогла смешаться с другими детьми.

Была только одна проблема.

«До приезда графа я буду вести себя хорошо!»

...Так решила Чеша, но проще сказать, чем сделать. Взрослые в приюте издевались над ней. Остальные же отбирали еду и изводили детскими выходками.

«Я взрослый человек, поэтому не буду ссориться с малышкой», — весь следующий месяц мучений стал для неё испытательным сроком ангельского терпения.

И наконец, граф Василиан дал о себе знать. Он прибыл в приют, в котором жила Чеша. В тот день директор был раздражён с самого утра, потому что богатые спонсоры давно не появлялись, от чего в ярости мужчина донимал детей.

Граф нагрянул из ниоткуда, совершенно внезапно. Он появился, когда солнце уже садилось, поэтому закатные лучи заполнили небо.

В заброшенный двор приюта, где не было ни одной травинки, въехал конный экипаж, подняв облако пыли. Директор поспешно выбежал на улицу. Воспитанники детского дома с любопытством столпились у окна. Чеша тоже быстро вскочила на стул и выглянула в раму.

На первый взгляд карета без опознавательных знаков выглядела как обычная повозка. Однако породистые лошади и манеры кучера всё прояснили. Это явно была карета, принадлежащая высокопоставленному аристократу.

Кучер, убрав кнут, поправил ступеньки экипажа и отворил дверцу. Из кареты медленно вышел мужчина. Чеша невольно изумилась.

— Вау...

Граф Василиан был поистине прекрасен. Чеша видела своё отражение каждый день, поэтому у неё глаз намётан на красивые вещи, но даже она не могла не поразиться. С трудом найденный портрет не передавал и половины его внешности.

«Киерн Василиан», — Чеша смотрела на него с любопытством.

Граф, лицо которого ничего не выражало, заговорил:

— Я хочу усыновить ребёнка.

Голос у него был низким, но чётким. Захваченный аурой прибывшего мужчины директор вздрогнул так, словно его окатили ледяной водой.

— С-спасибо, что посетили наш приют! Пожалуйста, сначала пройдёмте внутрь и обсудим всё за чашечкой...

Киерн, не ответив, уставился на трусливого директора. Смысл холодного взгляда был ясен и без слов. У него нет ни причин, ни времени пить чай в подобном месте.

Директор резво вбежал в приют и распахнул дверь настежь.

— Дети, мы должны поприветствовать наших почётных гостей!

Он, толкая замешкавшихся детей, вывел их во двор. Собралось около пятидесяти сирот. Обычно малышня выкрикивала хотя бы по два слова целым хором, создавая столько шума, что можно было хоронить барабанные перепонки. Однако сейчас стояла гробовая тишина. Все были напуганы одним видом Киерна, поэтому держали рты на замке и пускали слёзы.

«Трусы».

Среди малышни, опустившей свои глаза, Чеша стояла с гордо поднятой головой, однако она была слишком мала. Киерн небрежно пробежался взглядом по детям, но на неё так и не посмотрел. Его глаза сузились.

— Похоже, тут нет того ребёнка, которого я бы мог взять с собой.

Чеша, изо всех сил старающаяся вытянуться среди детей постарше, нахмурилась.

«Меня! Возьми меня, я в этом дерьме нахожусь уже месяц!»

Она не могла сдаться. Пришло время достать секретное оружие: длинную каменную буханку хлеба, которую подавали в качестве еды несколько дней назад.

— Миня! — закричала Чеша, подняв буханку.

Крик эхом разнёсся по тихому двору. Директор и дети обернулись и посмотрели на неё растерянными глазами. Наконец, граф Василиан взглянул на Чешу. Однако, даже учитывая

длину хлеба, она всё ещё была слишком мала, поэтому увидеть её среди других детей по-прежнему трудно.

Чеша, размахивая каменным хлебом, расчищала себе дорогу, попутно избивая отморожков. Дети с криком разбежались кто куда.

— Ай!

— Ик!

— Ой!

Эти ребята издевались над ней на протяжении месяца, поэтому Чеша надавала им тумаков от всей души. Проложив себе дорогу, она стремительно вышла вперёд.

Снова помахав буханкой хлеба, но уже перед Киерном, малышка горячо закричала:

— Миня! Возьмите миня!

Впервые доселе холодные глаза Киерна заблестели. На его лице появилась тонкая, кривая, но безошибочная улыбка.

— Зачем мне это?

Вблизи граф Василян выглядел ещё красивей и опасней. Его чёрные волосы, которые переливались оттенком красноватой зари, напоминали гладкую чешую змеи. словно предостережение о том, что после заходящего солнца наступит непроглядная тьма. В его багровых глазах отражался слабый заинтересованный блеск. Смотри в них, Чеша уже знала, каков будет её ответ.

— Я!

Чеша вздёрнула подбородок и положила руки на талию. Выпятив свой пухловатый животик, она торжественно произнесла:

— Милаша!